

УДК 902/904, 902.672

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.2.371.381>**МАКЛАШЕЕВСКОЕ II ГОРОДИЩЕ,  
ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ<sup>1</sup>****© 2022 г. А.С. Алешинская, А.А. Чижевский,  
Е.А. Спиридонова, М.Д. Кочанова**

В статье представлены результаты палинологических исследований, полученных при изучении насыпи вала Маклашеевского II городища. Согласно этим исследованиям догородищенское поселение ананьинской культурно-исторической области, возникшее во второй половине VII – первой половине VI вв. до н.э., окружали березовые леса, перемежаемые открытыми пространствами с разнотравьем и злаками. Такая ситуация сохранялась и к началу строительства оборонительных сооружений в VI–V вв. до н.э. В V в. до н.э., когда вал был достроен, в окрестностях городища произрастали хвойно-широколиственные леса, в составе которых присутствовала сосна, липа, береза. Большие пространства оставались свободными от леса. Растительное окружение Маклашеевского II городища в раннем средневековье, когда на городище поселились носители именьковской культуры, не удалось определить, так как строительство (последняя четверть IV – первая четверть V в. н.э.) и достройка (VI–VII вв. н.э.) насыпи вала осуществлялась из грунта нижних почвенных горизонтов. В постименьковское время городище было заброшено, а в его окрестностях распространились полуоткрытые пространства с преобладанием разнотравно-злаковых сообществ. Леса были небольшими и состояли из сосны и березовых перелесков.

**Ключевые слова:** археология, Среднее Поволжье, ранний железный век, раннее средневековье, городища, оборонительные сооружения, палинология.

**MAKLASHEEVKA II HILLFORT,  
PALYNOLOGICAL ASPECT<sup>2</sup>****A.S. Aleshinskaya, A.A. Chizhevsky,  
E.A. Spiridonova, M.D. Kochanova**

The paper features the results of palynological studies obtained during the study of the rampart embankment of the Maklasheevka II hillfort. According to these studies, the pre-hillfort settlement of the Ananyino cultural and historical area, which arose in the second half of the 7<sup>th</sup> – first half of the 6<sup>th</sup> centuries BC, was surrounded by birch forests interspersed with open areas with herbs and cereals. This situation continued until the beginning of the construction of defensive structures in the 6<sup>th</sup>–5<sup>th</sup> centuries BC. In the 5<sup>th</sup> century BC, when the rampart was completed, coniferous and deciduous forests grew in the vicinity of the hillfort, which included pine, linden, and birch. Large areas remained free from the forest. The plant environment of Maklasheevka II hillfort during the Early Middle Ages, when the bearers of the Imenkovo culture settled at the hillfort, could not be determined, since the construction (last quarter of the 4<sup>th</sup> – first quarter of the 5<sup>th</sup> centuries AD) and completion (6<sup>th</sup>–7<sup>th</sup> centuries AD) of the rampart embankment were carried out from the soil of the lower soil horizons. In the post-Imenkovo period, the hillfort was abandoned, and semi-open areas with a predominance of forb-grass communities spread on its outskirts. The forests were small and consisted of pine and birch copses.

**Keywords:** archaeology, Middle Volga region, Early Iron Age, Early Middle Ages, hillforts, fortifications, palynology.

Маклашеевское II городище находилось в 3,6 км к востоку – юго-востоку от с. Полянка Спасского района Республики Татарстан (рис. 1). Оно располагалось на правом берегу приустьевом участке р. Утки, левого притока Волги, на останце второй надпойменной неоплейстоценовой террасы, и возвышалось над поверхностью воды на 8–10 м.

<sup>1</sup> Палинологические исследования проводились в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264-9).

<sup>2</sup> Palynological studies were carried out within the framework of the topic of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences “Interdisciplinary Approach to the Study of the Formation and Development of Ancient and Medieval Anthropogenic Ecosystems” (No. NIOKTR 122011200264-9).

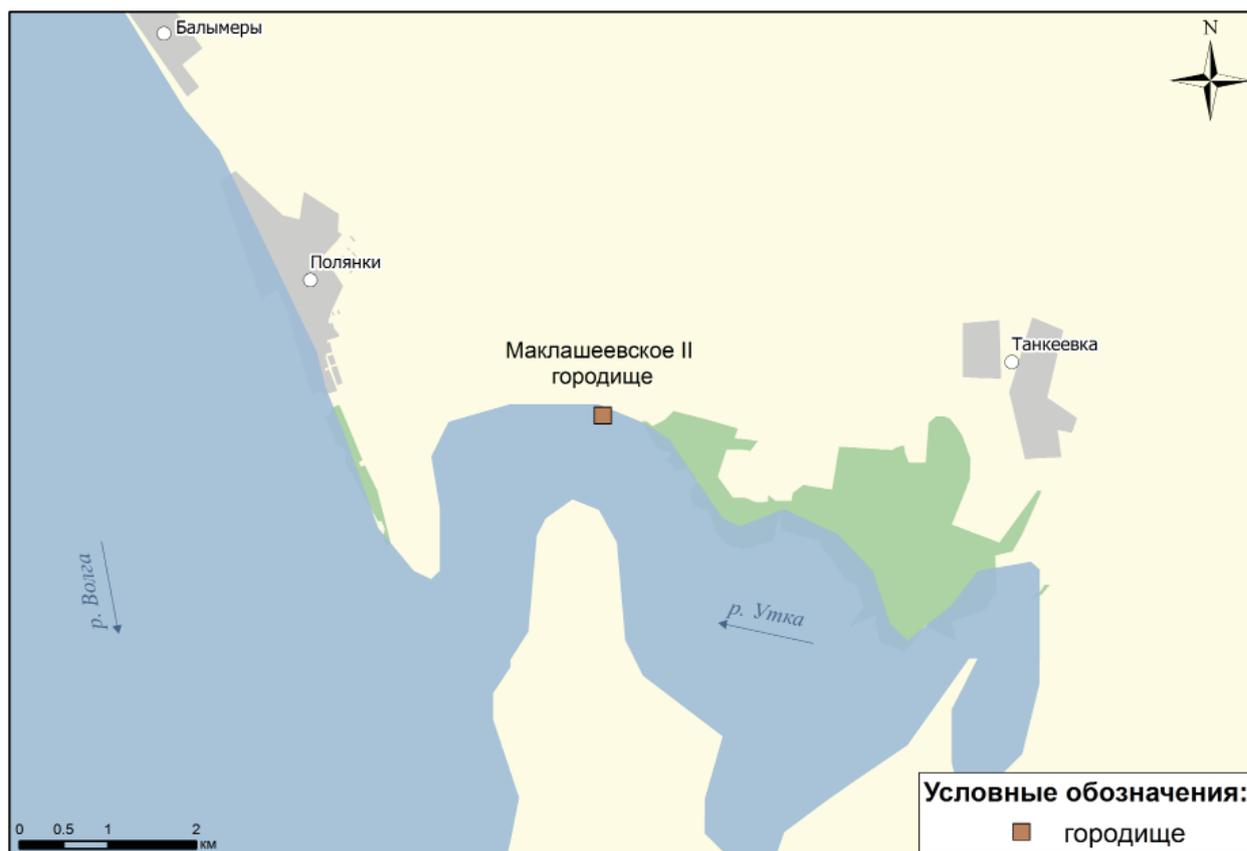


Рис. 1. Местоположение Маклашеевского II городища.

Fig. 1. Location of the Maklasheevka II hillfort.

Городище, площадью 5400 м, было вытянуто с севера на юг и ограждено с напольной стороны валом шишковидной формы высотой 4 м, а со стороны острьяка мыса – дуговидным рвом высотой 0,75 м (рис. 2: 1).

После наполнения Куйбышевского водохранилища в 1955–1957 гг. памятник оказался с трех сторон окружен водой и стал разрушаться в результате интенсивных абразионных процессов. В настоящее время он полностью уничтожен водохранилищем.

Первое упоминание Маклашеевского II городища мы находим у А.А. Спицына в публикации результатов его разведки 1898 г. (Спицын, 1916, с. 77, 88, 93; Чижевский, 2013, с. 52).

В дальнейшем работы на памятнике были продолжены лишь в 1961 г., когда экспедицией под руководством Е.А. Халиковой был произведен осмотр и шурфовка площадки мыса и снят первый топографический план городища (Халикова, 1961, л. 1–3). В 1963 г. крупномасштабные археологические работы на Маклашеевском II городище произвел П.Н. Старостин, в результате которых было вскрыто 776 кв. м площади памятника (рис. 2: 1) (Старостин, 1964, л. 1–58, рис. 1; 1967, с. 10–23, № 132, табл. 4: 6).

Остатки Маклашеевского II городища, включающие часть оборонительных сооружений раннего железного века (насыпь вала) и раннего средневековья (насыпь вала и ров), общей площадью 76 кв. м были исследованы одним из авторов в 2014 г. (рис. 2: 2). В ходе работ было произведено геолого-геоморфологическое исследование местности и мыса городища, а также осуществлена выборка образцов на инженерно-геологические, палинологические, почвоведческие и радиоуглеродные анализы (рис. 3).

Публикация материалов раскопок 2014 г. частично уже была произведена ранее, основное внимание в этих работах уделено геоморфологии, стратиграфии, хронологии и почвоведческим исследованиям памятника (Чижевский и др., 2016; Ломов и др., 2018; Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 43–65). Вне рассмотрения остались результаты большей части лабораторных работ и в частности палинологические исследования. В данной статье именно им будет уделено основное внимание.

Из разреза восточного склона вала Маклашеевского II городища было исследовано 14 образцов. Все они содержали достаточное для статистической обработки количество пыль-

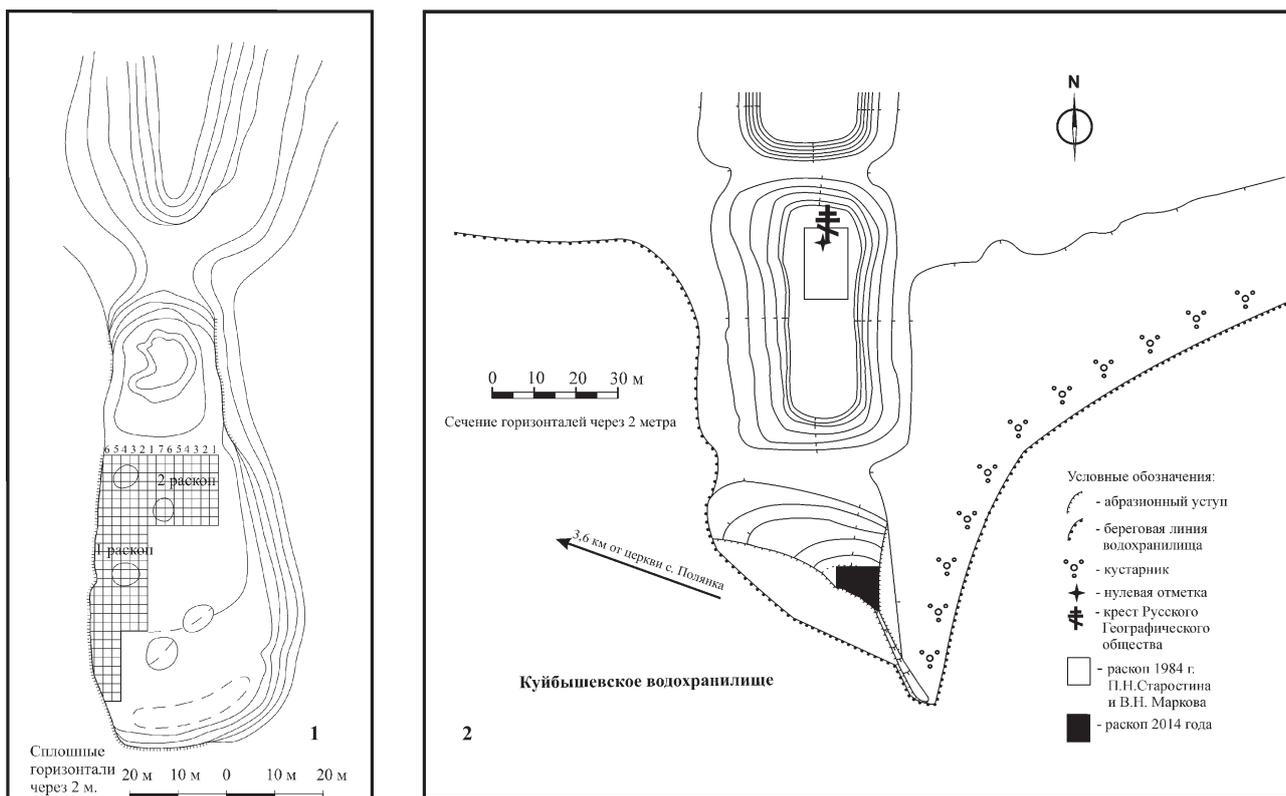


Рис. 2. 1 – план Маклашеевского II городища, 1963 г. (по: Старостин, 1964);  
2 – план Маклашеевского II городища, 2014 г.

Fig. 2. 1 – plan of the Maklasheevka II hillfort, 1963 (after: Starostin, 1964);  
2 – plan of the Maklasheevka II hillfort, 2014.

цы и спор, но сохранность их была различной. По результатам анализа в разрезе выделено девять спорово-пыльцевых комплексов (рис. 4). В спорово-пыльцевой комплекс объединялись образцы, которые имеют близкий качественный и количественный состав доминирующих форм.

Сразу же необходимо отметить, что практически во всех образцах среди травянистых растений отмечается преобладание пыльцы полыней (*Artemisia*), которая является одним из основных компонентов перигляциального типа спектров. Такой спектр описан в I спорово-пыльцевом комплексе, выделенном в лессовидных покровных суглинках. Повышенное содержание пыльцы полыней в других комплексах является, скорее всего, следствием попадания лессовидных суглинков в вышележащие слои в результате использования этих отложений при сооружении вала. То, что эта пыльца привнесенная, а не «инситуная», подтверждает и тот факт, что на других ранее изученных памятниках такое высокое содержание пыльцы полыней не отмечено (за исключением слоя подсыпки на городище Гремячий Ключ) (Чижевский и др., 2017).

**I спорово-пыльцевой комплекс (СПК I)**  
(преобладание травянистых растений (полы-

ни) / береза с участием сосны и ольхи) выделяется по образцам 1, 2 из слоев 19 (горизонт ВС погребенной почвы) и 20 (лессовидная супесь) (рис. 3; 4). Сохранность пыльцы и спор различная. Встречаются угольки и зола.

В общем составе преобладает пыльца травянистых растений (62–84%), количество которой уменьшается вверх по разрезу. Пыльца древесных пород составляет 13–31%, споры – 3–7%.

В группе древесных пород доминирует пыльца березы (*Betula*) (62–80%). Также отмечена пыльца сосны (*Pinus*) (8–17%) и ольхи (*Alnus*) (12–19%).

Среди травянистых растений господствует пыльца полыней (*Artemisia*) (80%). В небольшом количестве встречается пыльца злаков, семейства маревых (*Chenopodiaceae*), разнотравья.

В составе споровых присутствуют практически одни зеленые мхи (*Bryales*) (71–100%). В образце 2 единично отмечены споры плаунов (*Lycopodiaceae*) и папоротников семейства многоножковые (*Polypodiaceae*).

Несмотря на то, что слой 19 отнесен к погребенной почве, по составу спорово-пыльцевых спектров он практически идентичен слою 20 (покровные лессовидные суглинки),

поэтому данные слои объединены в один комплекс, который характеризует перигляциальные природные условия позднего валдая. В это время на исследованной территории господствовали открытые пространства с редкими березовыми перелесками. Травянистые группировки были представлены в основном полынями с небольшим участием злаков и разнотравья.

Аналогичный комплекс прослеживается в колонке 3 на городище Гремячий Ключ в отложениях подсыпки (IV спк (обр. 6) (Чижевский и др., 2017). Но там такого слоя в основании колонки нет. Вероятно, что в колонке 3 они залегают ниже.

**II спорово-пыльцевой комплекс (СПК II)** (*преобладание древесных пород / береза с незначительным участием ольхи и сосны*) охарактеризован по образцам 3, 4 из слоя 18 (рис. 3; 4). СПК II относится к погребенной почве догородищенского поселения постмаклашеевской культуры ананьинской культурно-исторической области (АКИО).

Сохранность пыльцы и спор лучше, чем в спектрах предыдущего комплекса. Встречаются остатки древесины, угольки.

Общий состав данного комплекса резко отличается от предыдущего. Пыльца древесных пород и травянистых растений встречается примерно в равных количествах (49–57% и 33–43% соответственно) с незначительным преобладанием пыльцы древесных пород. На долю спор приходится 8–10%.

По составу древесных пород данный комплекс мало отличается от предыдущего. Здесь по-прежнему преобладает пыльца березы (*Betula*) (80–85%), а количество пыльцы ольхи (*Alnus*) (9–11%) и сосны (*Pinus*) (3–8%) снижается. Единично появляется пыльца ели (*Picea*) и липы (*Tilia*).

В группе травянистых растений, как и в предыдущем комплексе, доминирует пыльца полыней (*Artemisia*) (45–62%), но в то же время становится больше пыльцы злаков (*Poaceae*) (17–19%) и в образце 4 – разнотравья (30%). Пыльца семейства маревых (*Chenopodiaceae*) составляет 6%.

Среди споровых отмечены зеленые мхи (*Bryales*) (57–75%), папоротники семейства многоножковые (*Polypodiaceae*) (25–38%), плауны (*Lycopodiaceae*) (5%).

Описанный комплекс формировался в более благоприятных условиях, чем предыдущий. В это время стало больше древесных пород, появилась ель и липа, а на лугах стало больше разнотравья и злаков.

Исследования серии образцов, полученных по углю из сооружения догородищенского времени раскопа 2014 г. Маклашеевского II городища, произведенные лабораторией Политехнического университета Цюриха (Швейцария), дали следующие даты: ЕТН 60650 – 649 CalBC (95,4%) 545 CalBC, ЕТН 60652 – 646 CalBC (68,2%) 549 CalBC, ЕТН 60653 – 646 CalBC (95,4%) 548 CalBC (Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 51). Таким образом, по данным радиоуглеродного анализа, изученная почва датируется второй половиной VII – первой половиной VI вв. до н. э. В это время на месте будущего городища произрастали березовые леса. Открытые пространства были заняты злаково-разнотравными группировками.

**III спорово-пыльцевой комплекс (СПК III)** (*травянистые растения, древесные породы / береза*), описан по образцу 5 из слоя 17 (рис. 3; 4). Комплекс относится к нижней насыпной толще вала (An<sub>1</sub>) ананьинской насыпной серии, связанной с ранней стадией строительства насыпи постмаклашеевской культуры АКИО.

В образце много органических остатков, угольков, золы, спикул губок. Сохранность микрофоссилий разная.

В общем составе практически в равном количестве присутствует пыльца древесных пород (45%) и травянистых растений (48%). Споры составляют 7%.

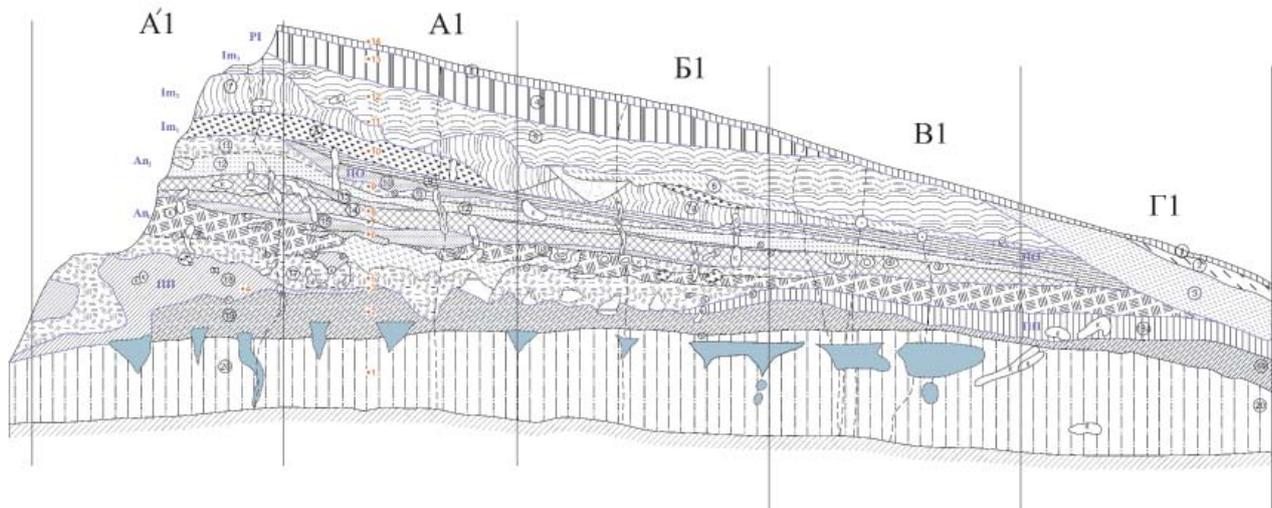
Древесные породы представлены пыльцой практически одной березы (*Betula*) (88%). Единично отмечена пыльца сосны (*Pinus*), ольхи (*Alnus*) и липы (*Tilia*).

Пыльца травянистых растений по-прежнему представлена главным образом пыльцой полыней (*Artemisia*) (69%). Часто встречается пыльца разнотравья (24%), в составе которого преобладает пыльца подсемейств цикориевых (*Cichorioideae*) (13%) и астровых (*Asteroideae*) (5%).

В группе споровых присутствуют зеленые мхи (*Bryales*) (68%) и папоротники семейства многоножковые (*Polypodiaceae*) (32%). Интересным моментом является наличие в образце диатомовых водорослей. Возможно, что в данном месте было понижение, заполнявшееся водой.

По составу спектров СПК III близок комплексу, описанному в погребенной почве, и, вероятно, характеризует ее верхнюю часть, нарушенную человеком.

Судя по информации, полученной в результате геоморфологических исследова-



**Рис. 3.** Маклашеевское II городище, профиль восточной стенки магистральной бровки раскопа 2014 г. (уч. А'1–Д1). Синими линиями показаны строительные горизонты и погребенная почва: ПП – погребенная почва, слой догородищенского поселения;  $An_1$  – нижняя насыпная толща вала;  $An_2$  – средняя насыпная толща вала; ПО – природные образования, связанные с разрушением и сносом вала ананьинского времени;  $Im_1$  – нижняя насыпная толща вала;  $Im_2$  – средняя насыпная толща вала;  $Im_3$  – верхняя насыпная толща; PI – постименьковская почва. Красным показаны места выборки образцов на палинологический анализ.

**Fig. 3.** The Maklasheevka II hillfort, profile of the eastern wall of the main crest of the excavation site in 2014 (site A'1–D1). The building horizons and buried soil are highlighted in blue: ПП – buried soil, layer of the pre-hillfort settlement;  $An_1$  – lower bulk thickness of the rampart;  $An_2$  – average bulk thickness of the shaft; ПО – natural formations associated with the destruction and demolition of the rampart of the Ananyino period;  $Im_1$  – lower bulk thickness of the rampart;  $Im_2$  – average bulk thickness of the rampart;  $Im_3$  – upper bulk thickness; PI – post-Imenkovo soil.

The sampling sites for palynological analysis are highlighted in red.

ний, материал для строительства раннего вала выбирался из почвенного слоя, из которого производилось формирование насыпи (Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 49).

По данным радиоуглеродного анализа, СПК III датируется в рамках VI–V вв. до н. э. (ETH 60654 – 594 CalBC (68,2%) 413 CalBC) (Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 52).

**IV спорово-пыльцевой комплекс (СПК IV)** (преобладание древесных пород / береза с незначительным участием ольхи и сосны) выделяется по образцам 6, 7 из слоя 15 (рис. 3; 4). СПК IV также принадлежит к нижней насыпной толще вала ( $An_1$ ) ананьинской насыпной серии.

В общем составе господствует пыльца древесных пород (66–70%), пыльца травянистых растений составляет 23–25%, споры – 7–10%.

Среди древесных пород по-прежнему доминирует пыльца березы (*Betula*) (83–84%). В небольшом количестве встречается пыльца ольхи (*Alnus*) (7–8%), сосны (*Pinus*) (5–6%) и широколиственных пород (3–4%).

В составе травянистых растений преобладает пыльца полыней (*Artemisia*) (48–54%). На пыльцу разнотравья приходится 25%. Кроме

этого, отмечена пыльца семейства маревых (*Chenopodiaceae*) (9–13%) и злаков (*Poaceae*) (13–14%).

Споровые представлены зелеными мхами (*Bryales*) (59–68%) и папоротниками семейства многоножковые (*Polypodiaceae*) (28–36%), единично отмечены споры плаунов (*Lycopodiaceae*).

Образцы, по которым выделен данный комплекс, взяты из разных слоев: обр. 6 – из погребенной почвы (без номера слоя); обр. 7 – из слоя 15, который описан как линза супесчаного материала с пятнами серого гумусового материала. Возможно, что гумусовый материал является частью вышеописанной погребенной почвы, что объясняет идентичность спорово-пыльцевых спектров данных образцов.

По характеру спектров данный комплекс аналогичен СПК II из погребенной почвы (слой 18), что свидетельствует об использовании этой почвы для сооружения вала.

Время формирования этих прослоек (обр. 6, 7) в насыпи раннего вала относится к VI–V вв. до н. э.

**V спорово-пыльцевой комплекс (СПК V)** (травянистые растения, древесные породы /

береза с участием широколиственных пород и сосны) охарактеризован по образцам 8 (слой 14) и 9 (слой II) (рис. 3; 4). СПК V относится к нижней (слой 14) и верхней (слой II) частям средней насыпной толщи  $An_2$ , связанной со средней стадией строительства вала ананьинской насыпной серии.

Несмотря на то, что образцы отобраны из разных слоев, по составу спектров они очень близки и могут быть объединены в один комплекс, который отличается от всех комплексов, описанных в разрезе. Сохранность пыльцы разная, много органических остатков, в том числе и сгоревших, есть зола.

В общем составе данного комплекса в равных количествах присутствует пыльца травянистых растений и древесных пород (по 46%). На долю спор приходится 8–11%.

По сравнению с предыдущими комплексами содержание пыльцы березы (*Betula*) уменьшается до 56–66%. В то же время количество пыльцы сосны (*Pinus*) возрастает до 11–22%, а широколиственных пород до 15–18%. Широколиственные породы представлены в основном липой (*Tilia*) и единично дубом (*Quercus*).

Состав травянистых растений существенно отличается от других комплексов. Ведущую роль здесь играет пыльца семейства маревых (*Chenopodiaceae*), достигая 37–42%. Содержание пыльцы полыней (*Artemisia*) снижается до 29–31%. Часто встречается пыльца разнотравья, в составе которой доминирует подсемейства цикориевых (*Cichorioideae*) (4–13%) и астровых (*Asteroideae*) (4–13%). 8–13% составляет пыльца злаков (*Poaceae*), среди которой отмечены и крупные пыльцевые зерна культурных видов.

В группе споровых наблюдаются зеленые мхи (*Bryales*) (71–79%), папоротники семейства многожковые (*Polypodiaceae*) (17–25%), единично сфагновые мхи (*Sphagnum*) и хвощи (*Equisetum*).

Учитывая своеобразие данного комплекса (СПК V), можно предположить, что он формировался в инситной почве и отмечает перерывы в сооружении насыпи, во время которых на поверхности раннего вала, а потом и на поверхности среднего сформировались слои почвы. Анализируя разрез и палинологические данные, можно предположить, что пачка слоев 11–14 является чередованием почвенных прослоек с делювиально-пролювиальными осадками.

В период формирования СПК V в районе городища существовали хвойно-широколиственные леса. В зависимости от усло-

вий произрастания это могли быть и чистые липовые и сосновые леса. Березовые перелески также занимали значительные площади. Кроме этого, береза могла входить в состав хвойно-широколиственных лесов, произрастать по опушкам. Большие площади принадлежали открытым пространствам, которые были заняты преимущественно различными сорными растениями из семейства маревых, а также подсемейств цикориевых и астровых. Широкое распространение имели полынные группировки.

Близкие по составу комплексы прослеживаются в колонке 3 разреза насыпи вала городища Гремячий Ключ (III СПК, обр. 5) (свал почвенного грунта) (Чижевский и др., 2017), а также в обр. 8 разреза вала Сорочьегорского городища (Чижевский и др., 2014). Там этот слой трактуется как почва на поверхности вала.

Время формирования средней насыпной толщи не определено, однако установлена дата строительства поздней насыпи вала, которая, согласно данным радиоуглеродного анализа, относится к V в. до н. э. (Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 52). Учитывая временные рамки строительства раннего вала – VI–V вв. до н. э. и позднего – V в. до н. э., можно предположить, что средняя стадия строительства вала также приходится на V в. до н. э. Таким образом, разница во времени формирования прослоек почвы под и над средней насыпной толщиной невелика, отсюда и сходство в составе спорово-пыльцевых спектров, полученных из слоев 14 и 11 (СПК V).

**Насыпные формации позднего вала** (верхней насыпной толщи  $An_3$ ) ананьинской насыпной серии зафиксированы только на западной стенке раскопа 2014 г., из которой образцы на палинологический анализ не отбирались.

**VI спорово-пыльцевой комплекс** (СПК VI) (*преобладание древесных пород / береза с незначительным участием сосны, широколиственных пород и ольхи*) описан по образцам 10 (слой 8) и 11 (слой 5) (рис. 3; 4). Относится к нижней –  $Im_1$  (слой 8) и частично к средней –  $Im_2$  (слой 5) насыпным толщам именинковой насыпной серии, соответственно к ранней и средней стадиям строительства вала именинковой культуры.

Из слоя 7, с которым связан  $Im_2$ , образец на анализ не брался. Судя по одинаковому составу спорово-пыльцевых спектров из образцов 10 и 11, последний был взят на границе слоев

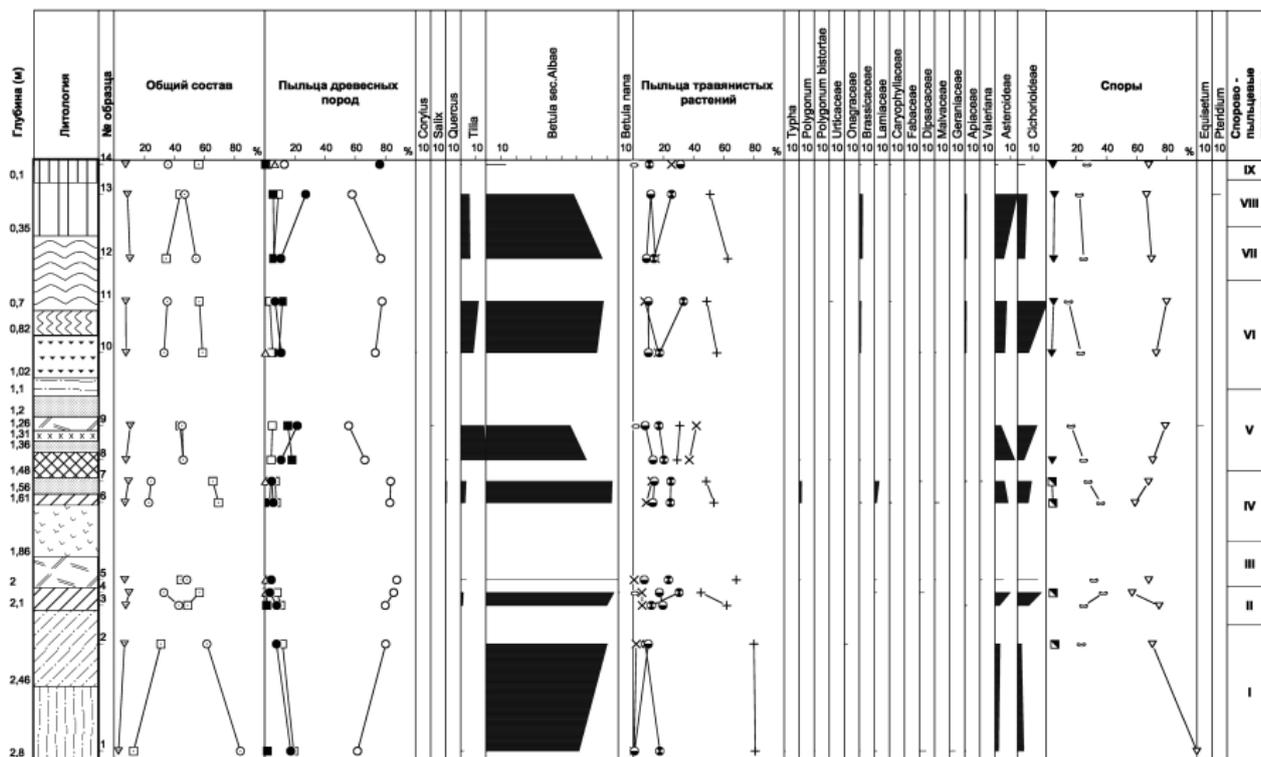


Рис. 4. Палинологическая диаграмма разреза вала Маклашеевского II городища.

Условные обозначения.

Общий состав: □ – сумма пыльцы древесных пород; ○ – сумма пыльцы травянистых растений; △ – сумма спор высших споровых растений. Древесные породы: ▷ – ель (*Picea*); ● – сосна (*Pinus*); ○ – береза (*Betula*); □ – ольха (*Alnus*); ⊕ – ива (*Salix*); ■ – сумма пыльцы широколиственных пород. Травянистые растения: ● – злаки (*Poaceae*); ○ – осоковые (*Cyperaceae*); X – маревые (*Chenopodiaceae*); + – полыни (*Artemisia*); ⊗ – сумма пыльцы разнотравья. Споры: ▷ – зеленые мхи (*Bryales*); ◀ – сфагновые мхи (*Sphagnum*); ☞ – папоротники семейства многоножковые (*Polypodiaceae*); ◼ – плауны (*Lycopodiaceae*).

Fig. 4. Palynological diagram of the section of the Maklasheevka II hillfort rampart.

Legend.

General composition: □ – total tree pollen; ○ – total pollen of herbaceous plants; △ – total spores of higher spore plants. Tree species: ▷ – spruce (*Picea*); ● – pine (*Pinus*); ○ – birch (*Betula*); □ – alder (*Alnus*); ⊕ – willow (*Salix*); ■ – total pollen of broad-leaved species. herbaceous plants: ● – cereals (*Poaceae*); ○ – sedge (*Cyperaceae*); X – hazeweed (*Chenopodiaceae*); + – wormwood (*Artemisia*); ⊗ – the total herbs pollen. Spores: ▷ – green mosses (*Bryales*); ◀ – sphagnum mosses (*Sphagnum*); ☞ – ferns of the centipede family (*Polypodiaceae*); ◼ – club mosses (*Lycopodiaceae*).

7 и 5, для их отсыпки использовались одинаковые грунты.

Общий состав данного комплекса отличается от предыдущего. Здесь преобладает пыльца древесных пород (57–59%). Пыльца травянистых растений составляет 33–35%. На долю спор приходится 8%.

Среди древесных пород отмечается увеличение до 73–78% содержания пыльцы березы (*Betula*). Количество пыльцы сосны (*Pinus*) и широколиственных пород снижается до 7–11% и 9–12% соответственно. Пыльца ольхи (*Alnus*) составляет 4–5%.

В группе травянистых растений вновь доминирует пыльца полыней (*Artemisia*)

(49–56%), а количество пыльцы семейства маревых (*Chenopodiaceae*) уменьшается до 8–17%. Довольно часто встречается пыльца разнотравья (18–33%), представленного главным образом пыльцой подсемейств цикориевых (*Cichorioideae*) (7–20%) и астровых (*Asteroidae*) (7–8%).

Среди споровых отмечены зеленые мхи (*Bryales*) (73–80%), папоротники семейства многоножковые (*Polypodiaceae*) (15–23%), единично сфагновые мхи (*Sphagnum*).

Как и СПК IV, по составу спектров данный комплекс (СПК VI) аналогичен комплексу СПК II (слой 18), что свидетельствует об

использовании погребенной почвы при сооружении вала имениковской насыпной серии.

Строительство раннего вала имениковской насыпной серии, судя по предметам-хроноиндикаторам, было осуществлено в последней четверти IV – первой четверти V в. н. э. (Чижевский и др., 2016, с. 123; Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 53). Время строительства среднего вала не определено.

**VII спорово-пыльцевой комплекс (СПК VII)** (*преобладание травянистых растений / береза с незначительным участием сосны, ольхи и широколиственных пород*) описан по образцу **12** из слоя **5** (рис. 3; 4). Относится к верхней насыпной толще – **Im<sub>3</sub>**, связанной с поздней стадией строительства вала имениковской культуры.

В общем составе преобладает пыльца травянистых растений (55%), пыльца древесных пород составляет 35%, споры – 11%.

В группе древесных пород доминирует пыльца березы (*Betula*) (77%). В небольшом количестве отмечена пыльца сосны (*Pinus*) (11%), ольхи (*Alnus*) (6%) и широколиственных пород (6%).

Среди травянистых растений господствует пыльца полыней (*Artemisia*) (63%). Также встречается пыльца семейства маревых (*Chenopodiaceae*) (15%), злаков (*Poaceae*) (9%), разнотравья (14%).

Споровые представлены в основном зелеными мхами (*Bryales*) (70%). Единично отмечены споры папоротников семейства многоножковые (*Polypodiaceae*) и сфагновые мхи (*Sphagnum*).

По своему составу данный комплекс близок СПК I, который выделен в лессовидных суглинках. Видимо, для строительства и ремонта вала имениковского времени использовался грунт из нижних горизонтов.

Поздняя стадия строительства имениковского вала по предметам-хроноиндикаторам датируется VI–VII вв. н. э. (Чижевский и др., 2016, с. 124; Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 53).

**VIII спорово-пыльцевой комплекс (СПК VIII)** (*травянистые растения, древесные породы / береза с участием сосны*) охарактеризован по образцу **13** из слоя **4** (рис. 3; 4). Относится к слоям, сформировавшимся в постимениковское время, когда Маклашеевское II городище было заброшено.

В общем составе данного комплекса примерно в равных количествах присутствует пыльца травянистых растений (47%) и

древесных пород (44%). На долю спор приходится 9%.

По сравнению с предыдущими комплексами содержание пыльцы березы (*Betula*) уменьшается до 58%, количество пыльцы сосны (*Pinus*) увеличивается до 27%, ольхи до 9%. Пыльца широколиственных пород составляет 6% и представлена липой (*Tilia*).

В составе травянистых растений отмечается незначительное снижение до 51% количества пыльцы полыней (*Artemisia*). Часто встречается пыльца разнотравья (26%), в составе которой доминируют подсемейства цикориевых (*Cichorioideae*) (6%) и астровых (*Asteroideae*) (15%). По 12% приходится на пыльцу злаков (*Poaceae*) и семейства маревых (*Chenopodiaceae*).

В группе споровых присутствуют зеленые мхи (*Bryales*) (67%), папоротники семейства многоножковые (*Polypodiaceae*) (22%), единично сфагновые мхи (*Sphagnum*) и папоротник орляк (*Pteridium*).

В период формирования данного комплекса в окрестностях городища существовали полуоткрытые пространства с преобладанием разнотравно-злаковых сообществ. Значительное место занимали березовые перелески. Сосновые леса были небольшими по площади или располагались на некотором расстоянии от городища.

**IX спорово-пыльцевой комплекс** (*преобладание древесных пород / сосна с незначительным участием березы и ели*) выделяется по образцу **14** из дернового слоя (слой I) (рис. 3; 4).

Данный комплекс по составу спектров существенно отличается от всех описанных в разрезе. Здесь в общем составе преобладает пыльца древесных пород (56%). Пыльца травянистых растений составляет 36%, споры – 8%.

В группе древесных пород доминирует пыльца сосны (*Pinus*) (76%). Количество пыльцы березы (*Betula*) снижается до 13%. Появляется пыльца ели (*Picea*) (7%). Единично отмечена пыльца пихты (*Abies*). Пыльца широколиственных пород и ольхи (*Alnus*) также присутствует единично.

Травянистые растения представлены в основном пылью злаков (*Poaceae*) (31%), полыней (*Artemisia*) (31%) и семейства маревых (*Chenopodiaceae*) (26%). Среди злаков (*Poaceae*) встречаются культурные виды. 11% приходится на пыльцу разнотравья.

В составе споровых отмечены зеленые мхи (*Bryales*) (68%), папоротники семей-

ства многоножковые (*Polypodiaceae*) (27%), единично сфагновые мхи (*Sphagnum*).

Данный комплекс характеризует условия природной среды, близкие к современным, с преобладанием сосновых лесов, в состав которых также входили береза, ель и широколиственные породы.

#### Выводы.

1. По составу палинологических спектров с преобладанием березы разрез вала на Маклашеевском II городище в целом ближе всего к разрезу оборонительных сооружений городища Гремячий Ключ. Вместе с тем здесь все спорово-пыльцевые комплексы, в том числе выделенные в погребенных почвах, в той или иной степени содержат перигляциальные элементы флоры (главным образом полынь).

2. Догородищенское поселение на маклашеевском мысу возникло во второй половине VII – первой половине VI вв. до н. э. Согласно данным палинологического анализа (СПК II), в это время на месте будущего городища произрастали березовые леса. Открытые пространства были заняты злаково-разнотравными группировками.

3. Начальная стадия строительства вала относится к VI–V вв. до н. э. Состав спорово-пыльцевых комплексов (СПК III, СПК IV) в это время существенно не отличался от СПК II, так как окружающие городище растительные сообщества были близки к растительности времени существования догородищенского поселения.

4. Возобновление строительства насыпи вала относится к V в. до н. э. В это время

(СПК V) в окрестностях городища произрастали хвойно-широколиственные леса в состав которых входила сосна, липа, береза. Большие пространства оставались свободными от леса, они были заняты полынными группировками, сорными растениями из семейства маревых, подсемейств цикориевых и астровых.

5. Состав спорово-пыльцевых спектров СПК VI, связанного с ранней и средней стадиями строительства вала именьковской культуры в последней четверти IV – первой четверти V в. н. э., аналогичен СПК II, что свидетельствует об использовании погребенной почвы для сооружения насыпи.

6. Такая же ситуация выявлена и для поздней стадии строительства вала именьковской культуры, датированного VI–VII вв. н. э. По своему составу данный комплекс близок СПК I, по всей видимости, для возведения насыпи позднейшего именьковского вала использовался грунт из нижних почвенных горизонтов.

7. В постименьковское время (СПК VIII), когда городище было заброшено, в окрестностях городища были распространены полуоткрытые пространства с преобладанием разнотравно-злаковых сообществ. Значительное место занимали березовые перелески. Сосновые леса были небольшими по площади или располагались на некотором расстоянии от городища.

8. СПК IX, выделенный из дернового слоя, соответствует природным условиям, близким к современным, с преобладанием сосновых лесов с примесью березы, ели и широколиственных пород.

#### ЛИТЕРАТУРА

Ломов С.П., Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А., Спиридонова И.Н. Почвенно-археологические исследования Маклашеевского II городища. (Культурный слой раннего железного века) // Археология Евразийских степей. 2018. №2. С. 290–309.

Спицын А.А. Заметки из поездки 1898 года // Известия ИАК. 1916. Вып. 60. С. 73–93.

Старостин П.Н. Отчет об археологических раскопках II Маклашеевского городища летом 1963 г. Казань, 1964 / Архив ИА РАН. Р-1, № 2811.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры / САИ. Вып. Д1-32. М.: Наука, 1967. 97 с.

Халикова Е.А. Отчет об археологических исследованиях, проведенных в 1961 г. в Куйбышевском районе Татарской АССР. Казань, 1961 / Архив ИА РАН. Р-1, № 2751.

Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Полевые исследования // Поволжская археология. 2013. №2(4). С. 40–63.

Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А. Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем средневековье // Археология Евразийских степей. 2020. №2. С. 8–277.

Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А., Вязов Л.А., Лыганов А.В., Хуснутдинов Э.А. Исследование оборонительных сооружений Маклашеевского II городища в 2014 г. // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья. Материалы всероссийской научно-практической конференции. (Пермь, 9–12 февраля 2016 г.) / Гл. ред. Г.П. Головчанский. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т. 2016. С. 119–125.

Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Асылгараева Г.Ш. Результаты комплексного исследования Сорочьегорского городища // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 241–262.

Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. Оборонительные сооружения городища Гремячий Ключ // Поволжская археология. 2017. №3 (21). С. 221–243.

### Информация об авторах:

**Алешинская Анна Сергеевна**, кандидат географических наук, зав. лабораторией естественнонаучных методов в археологии, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); asalesh@mail.ru

**Чижевский Андрей Алексеевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет; старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

**Спиридонова Елена Александровна**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); easpiridonova@mail.ru

**Кочанова Мария Дмитриевна**, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); mdkochanova62@mail.ru

### REFERENCES

Lomov, S. P., Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova, A. A., Spiridonova, I. N. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2. 290–309 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1916. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 60. Saint Petersburg, 73–93 (in Russian).

Starostin, P. N. 1964. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh II Maklashevskogo gorodishcha letom 1963 g. (Report on the Archaeological Excavations of the II Maklashevsky Settlement in the Summer of 1963)*. Kazan: Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R–1, dossier 2811 (in Russian).

Starostin, P. N. 1967. *Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Sites of the Imenkovo Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khalikova E.A. 1961. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh, provedennykh v 1961 g. v Kuibyshevskom raione Tatarskoi ASSR (Report on Archaeological Studies Conducted in Kuybyshevsky District of the Tatar ASSR in 1961)*. Kazan: Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R–1, dossier 2751 (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 40–63 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova, A. A. 2020. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 8–277 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova A. A., Spiridonova E. A., Aleshinskaya A. S., Kochanova M. D., Asylgaraeva G. Sh. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 241–262 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova A. A., et al. 2016. In Golovchanskii, G. P. (ed.). *XV Baderovskie chteniia po arkheologii Urala i Povolzh'ia (15th Bader Readings on Archaeology of the Urals and the Volga Region)*. Perm: Perm State National Research University, 119–125 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova, A. A., Spiridonova, E. A., Aleshinskaya, A. S., Kochanova, M. D. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 21 (3), 221–243 (in Russian).

### About the Authors:

**Aleshinskaya Anna S.** Candidate of Geographical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; asalesh@mail.ru

---

**Chizhevsky Andrei A.** Candidate of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

**Spiridonova Elena A.** Candidate of Geographical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; easpiridonova@mail.ru

**Kochanova Maria D.** Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; mdkochanova62@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2022 г.

Статья принята к публикации 01.04.2022 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу.